

18+

РУСТЕМ СТАХОРНЫЙ

РЕБЕНОК В ТЕНИ ПРЕЗРЕНИЯ И СТЫДА

18+

Рустем Стахорный

Ребенок в тени презрения и стыда

«Издательские решения»

Стахорный Р. М.

Ребенок в тени презрения и стыда / Р. М. Стахорный —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-681184-3

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Молодой парень хочет переехать в Алматы,
но внезапно узнаёт о смертельной болезни матери. Главный герой пытается
свыкнуться с трагедией, а попутно спасается от обязательной военной службы
в психоневрологическом диспансере. Это современная проза, строго 18+.
Этот текст — попытка безжалостно и бескомпромиссно отрефлексировать мое
детство и юность. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-681184-3

© Стахорный Р. М.
© Издательские решения

Содержание

I	6
II	7
III	10
III	12
IV	13
V	15
VI	16
VII	18
VIII	20
IX	23
X	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Ребенок в тени презрения и стыда

Рустем Маратович Стахорный

© Рустем Маратович Стахорный, 2026

ISBN 978-5-0068-1184-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Две недели назад моя мама сообщила, что у неё рак. Это было в субботу утром. Я, как обычно, сидел за компьютером в старых китайских наушниках. Бабушка и сестра ещё спали. Она подошла к сушилке, которая стояла рядом с моим рабочим местом. Я, как всегда, пытался слушать её одним ухом, а другим слушал музыку. Сначала она говорила о чём-то бытовом, а потом просто взяла и сказала это. Без подготовки и без какой-либо паузы. Как будто сообщала, что хлеб закончился.

— Руся, у меня рак горла. Мне остался год или два. В больницу я не лягу. Вон маму твоего папы тоже положили, вырезали всё горло — и что? Через полгода и сама всё. Никому не говорила, кроме тебя...

Вот так просто, без прелюдий и пояснений, я начал жить с мыслью, что человек, с которым я живу, и который выглядит абсолютно здоровым, умрёт через год или два. Зачем она это сказала? За что? Почему именно я должен нести этот крест один? Почему я? Неужели она просто смирилась? Как вообще можно смириться с тем, что ты скоро умрёшь? Думает ли она об этом постоянно? Как можно жить, зная, что ты обречёна? Я даже не знал, что она ходила в больницу. Не знаю, как она получила диагноз, какое было у неё лицо в этот момент. Интересно, плакала ли она или приняла это спокойно? Но как можно спокойно принять, что у тебя рак? Я боюсь даже представить её слёзы после похода в больницу. От одной этой мысли у меня ком в горле.

Она никому не сказала, кроме меня. Но собирается ли она говорить? А если нет? Теперь я просто живу с этим. Я понимаю, что она доверяет мне, любит меня. Но неужели она считает, что, сказав это только мне, она сделала мне дар душевной близости? Если любит, то зачем взвалила на меня такую ношу? Неужели думает, что так будет лучше? Разве не понимает, что чем дольше мы молчим, тем труднее будет потом? Или она вообще не собирается об этом говорить?

За эти дни в её поведении не изменилось ничего. Даже о визите в больницу я ничего толком не узнал. Она была такой же, как всегда. И сейчас ведёт себя так, будто ничего не произошло. Будто судьба не повернулась к ней спиной. Будто она вот-вот не превратится из живого, тёплого существа в часть холодной гнилой земли. Что спасает её от страха? Как она каждую ночь засыпает, зная, что остался год, может, меньше? Как можно думать о чём-то, когда смерть это не абстракция за горизонтом, а вот она: зима, весна, лето, осень и всё. Неужели этот цикл закончится, как её жизнь?

Моя мать верующая женщина. Она уже давно не ходит в церковь, но иконы стоят почти на всех подоконниках. Как и любая мать, пережившая девяностые, она привыкла обращаться к Богу в трудные моменты. Но может ли одна только вера отстранить от страха смерти? Неужели она подавляет инстинкт самосохранения? Говорят, быть атеистом это значит иметь мужество, но разве мужество выражается в иронии и презрении к религии? Настоящее мужество это перед бездной смерти смириться с тем, что дальше ничего не будет. Я не верю в подход атеистов. Все мы, оказавшись у края, уверуем. И неважно, в Бога, в другой мир, или в то, что всё это симуляция. Вера это всё, что у нас есть, это всё, что спасает от бессмысленного барахтанья в океане одиночества: космического и социального. Вера в смысл, в любовь, в идеалы. Только это даёт мне возможность заснуть. Но неужели вера мамы настолько сильна, что даже сейчас даёт ей спокойствие?

II

Мама. Сколько всего в этом слове для меня. Я ни к кому не испытываю одновременно столько любви, презрения, жалости и сочувствия. Мама это самое амбивалентное, что у меня есть.

Самое тёплое воспоминание связано с ней, когда мне было тринадцать. Я лежал в психоневрологическом диспансере. С детства у меня были судороги. Это напоминало приступы падучей, как у Достоевского. К счастью, после четырёх лет они прошли, но родители не хотели, чтобы я пошёл в армию, и мне приходилось регулярно ложиться в диспансер летом. Припадки больше не было, поэтому чтобы меня не снимали с учёта, нужно было врать: якобы у меня приступы агрессии, головные боли и т. д.

Мне всегда было неловко сидеть в приемном покое, в тесном, вонючем кабинете врача. Я сидел на кушетке, сцепив пальцы и смотрел в пол. Мама тем временем уверенно сочиняла истории о том, какой я больной и агрессивный ребёнок. Я понимал, что она врёт ради моего будущего, но даже тогда мне хотелось сказать: я нормальный, просто боюсь армии и я такой же, как все. Само место для психики ребёнка было тяжёлое. Особенно для необычных детей. Каждый раз, попадая туда, я в первую же ночь плакал в подушку. Отбой объявляли рано, так что уснуть поначалу было тяжело, но через пару дней я привыкал. Так повторялось из раза в раз. Обычно меня держали там целый месяц.

К счастью, диспансер находился в десяти минутах от дома, и мама навещала меня каждый день, принося еду и сладости. Я особенно запомнил тот день, когда мы сидели в августе на лавочке у диспансера. Я ел мягкое пюре с котлетой, смотрел в её телефон. Тогда мама мне казалась единственным светлым пятном во всём этом мире. Единственной причиной потерпеть. Я до сих пор помню вкус этого пюре и запах маминых духов. Даже сейчас, вспоминая этот день, у меня становится тепло на душе.

Только одна деталь в этом воспоминании вызывает у меня неловкость. Дело в том, что только моя мама приходила каждый день, поэтому всегда было немного стыдно, когда я сидел в игровой с другими детьми, и заходила медсестра со словами: «Стахорный, иди на свидание». Ко многим детям вообще никто никогда не приходил. Многие приезжали из городов-спутников или деревень, поэтому добираться было трудно, а ещё у меня сложилось впечатление, что многие родители не особо любили своих особенных детей.

Ещё мне было грустно от того, что больше половины детей были с психическими особенностями. Кто-то не контролировал эмоции и силу, у кого-то были отклонения в развитии, у некоторых разные формы аутизма. Моя болезнь никак не затрагивала умственные способности, и я сильно выделялся на фоне остальных.

Когда по утрам приходила медсестра заниматься с нами уроками, я легко отвечал на любые вопросы, так как всё было из начальной школьной программы. Но вскоре я заметил, что остальные начали обращать внимание на то, как мне всё легко даётся. И тогда я немного сбавил темп. Не то чтобы меня кто-то за это осуждал, наоборот, говорили, что я молодец. Но сам факт, что я будто соревнуюсь с ними, вызывал у меня дискомфорт. Я продолжал отвечать, но не так часто, давал шанс другим.

Распорядок дня был, как и в любой больнице: ранний подъём, зарядка, завтрак, потом занятия, обед, тихий час, полдник, свободное время перед ужином и отбой в девять. Развлечений было мало. Настольные игры, шахматы, рисование на белых листках карандашами. В игровой стоял телевизор, но выбор контента ограничивался тремя-четырьмя мультфильмами. В итоге за месяц мы могли посмотреть один и тот же мультфильм десять раз. Иногда кто-то приносил CD-диски, но это случалось редко. Если я лежал летом, нас выпускали гулять на огороженную территорию примерно на час. Там разрешали играть в карты и бегать по террито-

рии. В целом, всё это напоминало очень дешёвый детский лагерь. Только выйти оттуда нельзя было просто так.

Наша палата находилась на третьем этаже диспансера. На четвёртом было взрослое отделение. Однажды меня отправили на второй этаж, где были процедурные кабинеты. Там мне делали, например, иглоукалывание и МРТ головного мозга. И вот в тот день, когда я спускался с третьего на второй этаж, меня сильно напугал один из пациентов взрослого отделения. Пока я ждал, как медсестра закроет дверь на втором этаже, ко мне с лестницы подошёл огромный, даже по меркам взрослого человека, мужчина. Он был не только высокий, но и весил, казалось, не меньше ста двадцати килограммов. У него была широкая спина и кучерявые волосы. Одет он был в лохмотья: майку и шорты, покрытые дырками и давно выцветшие. Видимо, если кто и покупал ему одежду, то очень редко. Он протянул мне руки и очень детским голосом сказал: — Салам, — расплываясь в улыбке

Я буквально вжался в стену на ступеньках. Мне показалось, он мог раздавить меня одним шагом. Сразу за ним я увидел молодую медсестру, поэтому немного успокоился. Она поприветствовала меня и забрала гиганта с собой. Я быстро понял: он не опасен. У него даже не было плохих намерений. Это был просто ребёнок в теле большого человека, пытавшийся с кем-то подружиться.

Той ночью, засыпая, я думал: а что, если я стану таким же? Сознание останется, но из-за того, что я так часто здесь, они могут просто не выпустить меня. И в итоге я сойду с ума. Эта мысль очень тревожила меня.

Если говорить о процедурах в диспансере, то они мне нравились. Хотя бы потому, что разбавляли рутину. Пару раз в неделю я ходил на массаж. Было больно, но со временем я почувствовал результат. Я меньше стал сутулиться и боли в шеи прошли. Делала мне массаж бабушка, которая выглядела лет на девяносто. От неё пахло сиренью, а кабинет всегда был залит солнцем. В моих воспоминаниях даже её лицо скрыто в этих лучах. Ещё я пару раз в неделю ходил к психологу. Мы решали логические задачки и тесты. Мне это очень нравилось. С каждым разом они становились сложнее, и, решая их, я тешил своё эго. Мне казалось, что я соревнуюсь с другими детьми, хотел побить некий рекорд. Хотя, конечно, никакого рекорда не было, это была просто моя фантазия. А вот разговоры по душам мне не нравились. Помню, речь зашла о семье. На один вопрос про отца я заплакал. Даже не знаю почему. Просто сказал, что папа всегда на работе и у него нет на меня времени. И хоть я сознательно понимал, что в этом нет ничего такого, слезы как-то сами шли.

Был один фактор, усиливающий мою сентиментальность это таблетки от врачей. Каждый день во время еды нам их выдавали. У каждого ребёнка был свой набор. Как я понял, это были витамины, назначенные лекарства и что-то вроде успокоительного. Потому что за время пребывания там я становился вялым, медленно двигался и долго соображал. Но самое неприятное это повышенная чувствительность и эмоциональность.

Во время первого пребывания я пил всё, что давали. В следующие разы просто делал вид. После еды шёл в туалет, выплевывал таблетки в унитаз и смывал. Получалось не всегда, иногда проверяли, и прятать под язык было бесполезно. Приходилось глотать. Пару раз я попадался, но, к счастью, серьёзных наказаний не было.

До сих пор не знаю, что за успокоительное нам давали. Но этично ли использовать его на детях? Понимаю, что таблетки помогали снизить риск девиантного поведения, но ощущения от них были ужасными.

Если говорить о персонале, то девяносто процентов составляли женщины лет сорок-пятьдесят. Некоторые были очень приятными. С ними можно было поговорить, чтобы разбавить скуку. Одна женщина часто говорила, что я напоминаю ей её сына. Но были и неприятные, например, одна женщина иногда была особенно непослушных детей. Как я уже писал, многие дети здесь были не совсем здоровыми, и словами их успокоить было сложно. Пару раз я

видел, как медсестра грубо хватала ребёнка или даже била. Это было тяжело видеть. Особенно грустно, что такое происходило с теми, к кому никто не приходил. Им и пожаловаться было некому. Они были полностью беззащитны. И это ощущение, что я не могу им помочь, вызывало во мне злость. Да, такое случалось нечасто, но каждый раз чувство несправедливости и бессилия будто тошнотой подступало к горлу. Так как развлечений почти не было, главное, что было это общение с другими детьми. Обычно я был одним из самых старших, поэтому общался только с ровесниками. Большая часть моих ровесников были из детдомов. Как оказалось, детей из детдомов ставили на учёт автоматически. У тебя нет семьи? Значит, точно псих. Наверное, такая логика. Узнал я об этом во время своего первого приезда.

Общаясь с такими детьми, я заметил, что почти у всех них плохо развита речь. Даже не столько словарный запас, сколько сама способность держать нить повествования, но это не мешало нам проводить время вместе.

Дети из детдомов часто рассказывали, как дерутся с другими или как их бьют воспитатели. В последний раз я встретил там ребят, которых завербовали в секту. Они часто спрашивали, верю ли я во Всевышнего, и говорили про Его путь. Я обычно вежливо уходил от темы.

Также были дети из неблагополучных семей или те, кто сделал что-то плохое. Их направляли сюда на «перевоспитание». Один мальчик сломал нос и лицо однокласснику. По его словам, ему сказали, что лучше попасть сюда, чем в детскую тюрьму. Другой нюхал клей на гараже и его поймали люди в форме. Почему он нюхал клей и где в это время были его родители, никто не спрашивал.

Забавно, но некоторых, с кем я лежал, я потом встречал на улице или в университете. Иногда подходил, но почти все говорили, что не помнят ни меня, ни то, что вообще лежали в таких местах. Но мне всегда было радостно встретить кого-то оттуда. Что-то тёплое внутри просыпалось: чувство родства, близости. Я искренне надеюсь, что у всех, с кем я лежал, всё хорошо. Что они живы и здоровы.

Поездки в диспансер всегда отрезвляли меня. Только там я по-настоящему осознавал, как сильно люблю маму, как люблю папу и сестру. Какое это счастье иметь дом и быть здоровым. Мне никогда не было стыдно говорить об этом опыте, даже одноклассникам. Наоборот, я чувствовал в этом что-то особенное. Будто я к чему-то причастен. Что-то понял, что другим неведомо.

III

Сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что мне необязательно было лежать там. Родители хотели, чтобы меня не забрали в армию, но теперь можно отслужить всего сорок дней и заплатить определённую сумму. Тогда им казалось, что это лучший выход. Хотя, учитывая постоянную нехватку денег в нашей семье, думаю, им проще было отправлять меня в диспансер, чем заплатить.

Нехватка денег часто заставляла меня чувствовать себя неполноценным. Я не скажу, что мы были очень бедными. Нам обычно хватало на еду, у меня была чистая одежда и обувь. Но мы всегда жили «в ноль». Никаких сбережений родители не делали. В отпуск за границу или хотя бы в другой город мы позволить себе не могли. Мы вообще редко куда-то ездили. Поэтому, когда слышал, что кто-то из одноклассников куда-то летал летом, мне было завидно.

У меня есть несколько воспоминаний, когда еды вообще не было. Одно из них, когда мне было три года, и я утром ел сахар ложкой из тарелки. Это одно из самых ярких воспоминаний детства. Тогда мне не казалось, что мы бедные, и момент не казался таким грустным, но папа рассказывал, что чуть не расплакался, глядя на меня. В то время мы жили с бабушкой, дедушкой и сестрой мамы.

Я уже тогда не любил бабушку. Как-то она шла по двору пьяная, шатаясь из стороны в сторону. Я играл в песочнице, рядом были другие дети. Они её увидели и мне стало очень стыдно. Спустя годы, узнав, как она плохо обращалась с мамой — била её, издевалась, заставляла делать всё по дому, — я стал испытывать к ней настоящее презрение.

Более того, мама рассказывала, как однажды бабушка продала её другим мужчинам. Мне всегда было стыдно и больно это слышать, поэтому я никогда не расспрашивал, как это произошло. Даже сейчас, когда пишу об этом, моё тело съёживается.

Дедушка был приёмным отцом мамы. Это единственный факт, который меня радует — у меня нет с ним кровной связи. Помню, однажды, в те самые голодные времена, папа застукал его ночью за тем, как он ел колбасу, спрятанную под подушкой. Мразь это наверное, самое точное слово, которым можно его описать.

Мама рассказывала, что он часто издевался над ней. Она была отличницей до четвёртого класса, но, когда ей стало не в чем ходить в школу, учиться стало трудно. Дед специально не покупал ей одежду. Зато сестра мамы, его родная дочь, была любимицей, поэтому ей старались не отказывать. Он часто баловал её сладостями и новой одеждой.

Как иронично, что когда дед оказался прикован к постели, любимая дочь даже не навещала его в больнице, а мама, наоборот, всё время была рядом во время его болезни. Я помню, как он плакал и просил у неё прощения за всё, что сделал. Это было за несколько дней до смерти. Мама, конечно, простила его. Но мне всё это казалось неискренним и жалким. Относиться к человеку плохо тридцать лет, а потом, на смертном одре, просить прощения, в надежде на искупление. Мне казалось это не раскаянием, а страхом перед адом. Мама потом сильно плакала после его смерти. Но даже тогда мне это казалось странным. Как можно сочувствовать такому мерзкому человеку? Жил как падаль, так и умер.

Прошу прощения у читателя за излишнюю агрессию, но я до сих пор чувствую к нему злобу с презрением.

Хочется сказать пару слов и о сестре мамы. Это женщина с трагической судьбой. Уже более двадцати лет она живёт с безработным мужчиной. У неё двое детей. Работает старшей акушеркой в роддоме. Где-то год назад мама рассказывала, как Таня, так её зовут, поймала «синьку». Наглоталась препаратов и спирта, прожгла себе всё горло и желудок. Долгое время после этого она ела через трубочку и ходила под себя. Вообще, алкоголь это причина многих трагедий в семье по маминой линии. Сейчас с сестрой мамы всё стало лучше. Мы никогда

особо с ней не общались. Видел её последний раз лет шесть назад. Тогда она рассказывала о своих националистических взглядах. Было не особо интересно.

Если родителей мамы я хотя бы немного знаю, то родителей моего отца я практически не видел. Моего отца воспитывала одна мама. Не знаю, что стало с его отцом: ушёл он из семьи или умер, мне неизвестно. Единственное, что отец говорит о бабушке, это то, что тот был очень умным и я, возможно, пошёл в него. Бабушка отца много работала, чтобы прокормить его. У него была сестра, но когда ему было шесть лет, она уехала к отцу за границу. Папа часто вспоминает о ней. В какой-то момент он пытался её найти, но попытка оказалась тщетной.

Сейчас, зная историю семьи отца, я стал относиться к нему снисходительнее. Ведь как я могу требовать от него быть хорошим отцом, если он сам не знает, что такое отцовское тепло и забота? Мама моего отца жила на окраине города. У неё была алкогольная зависимость. Отец пытался лечить её, но она успокаивалась лишь ненадолго. В первом моём воспоминании о ней она уже была с прорезью в горле. У неё стояла трубка, через которую она могла дышать. По словам отца, у неё был рак горла из-за постоянного курения. Из-за этой трубки она говорила очень низким, пугающим голосом. Он был похож на голос Дарта Вейдера. Этот голос всегда вызывал во мне тревогу.

Я помню всего две или три поездки к ней, и то смутно. Последний раз мы навещали её жарким июльским днём лет пятнадцать назад. Солнце стояло в зените, я тогда сильно вспотел. Мы с мамой приехали к ней по какому-то важному делу, важность которого почти сразу исчезла. Поднялись на четвёртый этаж и постучали. Дверь оказалась открытой. Бабушка часто собиралась с соседями по лестничной клетке, чтобы выпить, поэтому мы не удивились. Мы подумали, что она, возможно, у соседки. Мама вошла в квартиру и начала звать бабушку. Я же, не выдержав духоты, расстегнул все пуговицы на своей рубашке без рукавов. Это не особо помогло, поэтому я пошёл на балкон, чтобы немного подышать свежим воздухом.

— Я пойду на балкон, подышу, — сказал я.

— Хорошо, только осторожно, — ответила мама.

Открыв дверь, я увидел косяк птиц, пересекавших небо. Опустив взгляд, я заметил бетонные перила, которые показались мне, четырёхлетнему, огромными. От них веяло прохладой, так и хотелось к ним прикоснуться. А потом я опустил взгляд на балконный пол и увидел ноги в сандалиях. Это были бабушкины ноги.

Не знаю как, но я понял, что она умерла. Тогда я ещё не понимал, что такое смерть. Мне казалось, это просто очень долгий сон. Я позвал маму. Она пыталась её разбудить, проверяла пульс, но всё было тщетно. Она вызвала скорую, а потом упала на колени возле меня и заплакала. Мама держала меня за руку и рыдала. Я пытался её утешить, говорил, что всё хорошо, что не надо плакать.

Я не посмотрел тогда на лицо бабушки. Я увидел её ноги и этого хватило. В моей памяти остались только эти ноги в сандалиях. Сейчас, спустя столько времени, я уже не помню ни её лица, ни фигуры, ни одежды, только эти ноги в сандалиях.

Позже оказалось, что перед смертью бабушка переписала квартиру на соседку за пару бутылок водки. Это сильно выбило отца из колеи. Они с мамой пытались судиться с соседкой, но всё оказалось тщетным. Документ есть, подпись есть и никому не важно, в каком состоянии документ был подписан. Так отец остался без наследства. После этого случая о бабушке по папиной линии мы почти никогда не говорили. Эта тема в нашей семье была табу. У бабушки был рак горла. У мамы теперь тоже. Хорошо, что я не курю. Возможно, у меня есть генетическая предрасположенность и по материнской, и по отцовской линии.

III

К отцу у меня тоже смешанные чувства. С одной стороны, он бросил пить, когда мне было два года, и не пьёт уже двадцать два года. Мама говорит, что он сделал это из-за большой любви ко мне. С другой стороны — это человек, который часто издевался над мамой и даже бил её. Это человек, который в голодные нулевые, когда не было ни работы, ни денег, ездил на дачу к соседям копать картошку, чтобы дома было хоть что-то поесть. Но это же и человек, который никогда не проводил со мной время и не интересовался, чем я живу. Он создал в доме атмосферу тирании и страха. Из-за этого я стал бояться мужчин. Ожидать от них опасности. Даже сейчас, общаясь с кем-то, я невольно думаю: смогу ли я победить его в драке? Сможет ли он убить меня, если захочет? Папа последние годы жил в командировках. Дома он почти не появлялся, а после того как они с мамой разошлись, то тем более.

Одно из первых моих воспоминаний из детства связано с фотографией. Тогда мне было три года, и у нас дома была фотография, где я сижу в коляске. Обычная детская фотография: на мне синяя футболочка, жёлтая панамка, а на ногах маленькие коричневые сандалии. Снимок был сделан возле нашего девятиэтажного дома. Коляска стояла на тротуаре, а над ней нежное летнее солнце. Но каждый раз, когда я смотрел на эту фотографию, я начинал плакать. Я спрашивал у мамы и папы: «Почему я один здесь?» Они отвечали, что просто были за кадром, а потом пытались успокоить меня и обнимали. Интересно, что уже в три года я был достаточно осознанным ребёнком. И даже тогда мне казалось, что нет причины плакать, но моё детское бессознательное всегда было сильнее. Почему именно эта фотография вызывала слёзы для меня до сих пор загадка.

Я был тихим ребёнком. Мама с папой целыми днями работали. Родители рассказывали, что высыпали игрушки на пол и я мог играть сам с собой часами. Я не кричал, не капризничал, мне было комфортно наедине с собой. Из-за того, что я много времени проводил один, у меня развилась бурная фантазия. Я обожал придумывать. Часто представлял, что игрушки живые и общаются между собой. Мечтал быть супергероем, спасать людей. Из-за нехватки внимания я был зависим от одобрения, и роль спасителя меня привлекала. Я старался помогать по дому, чтобы меня похвалили. Однажды даже попытался пропылесосить комнату. К сожалению, пылесос сломался, и больше мне его не давали, а после этого вообще запретили помогать по дому.

Когда мне было четыре года, во мне обострилось сильное чувство справедливости. Помню, я познакомился с мальчиком со двора, у которого была большая коллекция резиновых динозавров. Однажды он рассказал, что потерял одного динозавра, вроде бы забыл в песочнице, но теперь его там нет. Мы долго искали, но так и не нашли.

На следующий день я увидел, как другой ребёнок играет с точно таким же динозавром, который потерял мой друг. Я ни секунды не раздумывал: подбежал, выхватил игрушку и помчался домой. Мы тогда жили на девятом этаже, лифта не было, но я был в таком эмоциональном подъёме, что добежал до квартиры без отдышки. Мне казалось, что я совершаю великое дело. Буквально подвиг Геракла. Представлял, как сильно обрадуется мой новый друг и как меня похвалят.

Я всё рассказал маме. Она быстро поняла, что происходит, и мы вместе пошли во двор устраивать очную ставку. К сожалению, моё ликование длилось недолго. Оказалось, что это был не тот динозавр. Просто очень похожий. Мне пришлось вернуть игрушку и извиниться. Я был разочарован. Казалось, что я был так близко к тому, чтобы стать тем, кем представлял себя в фантазиях: сильным, мужественным, храбрым Рустемом.

IV

Когда мне было шесть лет, произошло два события: у меня появилась младшая сестра, и я пошёл в школу. Моя мама была худощавого телосложения, возможно, поэтому я даже не помню её беременной. Я помню, как мы забирали маму и сестру из роддома. Для моих родителей это было радостное событие, а я не чувствовал ничего. Более того, со временем я невзлюбил сестру.

Она была пухленькая, с нахмуренными глазами, и в моих воспоминаниях редко улыбалась. Сейчас я понимаю, что всё это было из-за ревности. Мне не хватало любви от мамы и папы, и я проецировал свою фрустрацию на сестру. Я не был вовлечён в её воспитание. Наоборот между нами часто возникали конфликты. Однажды я проснулся в кровати. Рядом сидела моя сестра и ела конфеты из желе. Я взял несколько конфет и положил себе в рот, делая вид, что сплю. Я ждал, когда в комнату войдут родители и увидят, будто это она положила мне конфеты в рот. Я надеялся, что они её отругают, но родители так и не пришли. В итоге я сам подошёл к маме и рассказал эту фальшивую историю. Мама никак не отреагировала. Она была чем-то занята.

С течением времени, по мере того как сестра росла, я ненавидел её всё больше. Это была беспричинная ненависть, ничем не обоснованная. Помню, как пару раз я даже сильно толкал её. Сейчас мне очень стыдно это вспоминать. Я был отвратительным старшим братом. Стыд, который я испытываю из-за этого, вызывает у меня тошноту. Меня вообще часто тошнит от стыда. Возможно, это из-за слабого здоровья.

С годами моя ненависть переросла в полное безразличие. Мы могли не разговаривать днями, а то и неделями. Я не интересовался её жизнью, старался делать вид, будто её не существует. Учитывая события, которые произошли с ней позже, я понимаю, насколько болезненным было моё безразличие для неё.

Я пошёл в первый класс. Хотя я и был закрытым ребёнком и много времени проводил в одиночестве, у меня не возникало проблем с тем, чтобы заводить друзей. Нехватка внимания дома подталкивала меня искать его в школе.

В первом классе я впервые столкнулся с задирой. Это был наш одноклассник Миша. Он был высокий мальчик с кривыми зубами, короткой причёской и непропорционально большой головой. Когда он улыбался, десны выступали настолько сильно, что заслоняли передние зубы. Его родители часто были в командировках за границей, и ему отчаянно, как и мне, не хватало внимания. Агрессия и вызывающее поведение стали для него единственным способом получить его.

Миша был очень глуповат. Все его попытки кого-то задеть или пошутить были настолько нелепыми, что даже мы, дети, это понимали. Никто особо с ним не дружил. Он часто приносил в школу дорогие игрушки, чтобы произвести впечатление, но и это помогало не надолго.

Поскольку я рос в семье, где отец бил мать, моя реакция на опасность была замирать. Хотя я и пытался иногда дать Мише отпор, чаще всего просто не знал, что сказать или сделать, чтобы он отстал. Наша вражда продолжалась до восьмого класса, пока он не перевёлся в другую школу.

Несмотря на тотальную трусость, у меня были и преимущества. Я хорошо общался с другими мальчиками, потому что у меня с детства было отличное чувство юмора, поэтому жертвой издевательств я никогда полноценно не становился.

Помню, во втором классе, когда Миша совсем достал всех. Он задирали слабых и лез к девочкам, мы всем классом собрались после школы и побили его. Это не было избиение в полном смысле. Его держал самый крепкий мальчик, и каждый мог нанести по одному удару. Ударил человека четыре. Это было скорее моральное унижение, чем физическое насилие.

На следующий день, на классном часе, наша классная руководительница рассказала, что знает про ситуацию с Мишей. Она громко нас отчитала, пока Миша плакал за партой.

Миша часто дрался. Старался тусоваться со старшеклассниками, но и они быстро от него устали. Один раз мальчик из старшего класса побил его прямо у школы, перед началом уроков. И почему-то каждый раз, когда его били, я оказывался рядом. Не то чтобы я радовался, но внутри было чувство: пусть не я, так жизнь наказывает.

Иногда мне снился Миша. И не только он, а и другие задиры из детства. Это не воспоминания, а скорее образы угрозы, перед которой я замираю. Миша стал для меня символом моего малодушия, моей слабости, отсутствия мужества, того, что мне не смог привить отец.

Иногда я прокручиваю сцены из прошлого и представляю, как бы я поступил сейчас. Понимаю, что эти фантазии бесполезны, но избавиться от них не могу. Думаю, как было бы здорово, если бы у родителей были деньги, чтобы отдать меня в секцию бокса или борьбы. Тогда бы я точно дал отпор. Тогда бы я был увереннее. Тогда бы у меня, может быть, и девушка появилась в школе. Ох, мечты. Как хотелось бы в самый счастливый момент жизни человека, т.е. в детстве, быть сильным и мужественным.

Когда я учился в третьем классе, я разругался со своим единственным другом. Мне было одиноко и грустно, особенно тяжело было идти домой одному. Поэтому я придумал хитрость. Я заметил, что одна моя одноклассница идёт домой почти по тому же маршруту, что и я, но в середине пути сворачивает в другую сторону, поэтому я начал ходить с ней вместе. А когда приходил момент сворачивать, я говорил, что мне тоже туда. Я придумал байку, будто остаюсь у бабушки на ночь. Так почти полгода я ходил с ней домой вместе.

Её звали Алина. Блондинка, невысокого роста. Никаких особенных черт лица у неё не было. Она не была отличницей, скорее наоборот. Часто прогуливала школу. Они с подружкой делали вид, будто идут на занятия, а потом оставались у той дома, потому что родители подружки уходили на работу до вечера. Из-за прогулов и плохой учёбы её дневник был весь красный от замечаний учителей и классной руководительницы. Я помню, как она при мне вырывала листы из дневника, чтобы родители её не ругали. От этого дневник выглядел почти как тетрадь в клетку — худой и пустой. Её даже пару раз ловили на том, что она вырывает страницы. Мне было весело с ней. До этого я не особо общался с девочками, так что этот опыт был для меня в новинку. И хоть я понимал, что наша дружба это обман и побег от одиночества, всё равно радовался, что иду с кем-то рядом.

Никаких любовных чувств я к Алине не испытывал. Да даже если бы и испытывал, то я бы не смог ими поделиться. Меня воспитывала мама, без участия отца, и, наверное, поэтому я с детства панически боялся женщин. Для меня они были кем-то вроде богинь или ангелов, далеких и священных. Мне казалось, что я не имею права подойти, сказать что-то личное, тем более признаться в чувствах. Пригласить девочку погулять? Это было из разряда фантастики.

Я настолько не понимал, что такое любовь, что даже когда испытывал какие-то чувства, не мог их распознать. Просто чувствовал: что-то не так. В третьем классе мне нравилась одна девочка, и на уроках я часто фантазировал, как мы с ней гуляем и держимся за руки. Но дальше фантазий ничего не заходило. Я просто не знал, что делать, если тебе кто-то нравится. Да и честно говоря, были ли у меня шансы? Худой, лопоухий мальчик с пухлыми щёчками и отсутствием хоть какой-то уверенности в себе. Я не думаю, что это влажная мечта каждой девочки.

V

Я хорошо учился, но отличником никогда не был. У меня хорошо получалась импровизировать, а подвешенный язык помогал с гуманитарными науками. Технические предметы тоже не вызывали трудностей. Родителям было важно, чтобы я хорошо учился. Для них образование было билетом в счастливую жизнь. Сами они этого билета не получили, поэтому считали: если я буду хорошо учиться, то значит выберусь из этого семейного рока бедности. Больше особых пожеланий у моих родителей не было по отношению ко мне. И за это я им, правда, благодарен. В какой-то момент они меня отпустили. Им было важно одно, чтобы я оставался хорошистом. А всё остальное на моё усмотрение. Я мог гулять до вечера, заниматься своими делами, лишь бы оценки не проседали.

У меня был ноутбук, но интернета не было до пятого класса, поэтому весь день я проводил на улице. Играл с одноклассниками в футбол, шастал по стройкам, в общем, нормальное среднестатистическое детство. Особенно я любил лето. Каждый день был на улице. К сентябрю возвращался в школу уже оранжевым. У меня была чувствительная кожа, поэтому сгорал моментально.

Мы жили вчетвером в двухкомнатной квартире, поэтому побыть наедине не представлялось возможным. Летом папа больше времени проводил дома. Мне это не нравилось. С одной стороны, я хотел быть рядом с ним, получить его одобрение. Но каждый раз, когда мы оказывались в одной комнате, я чувствовал раздражение. Всё, что он делал это смотрел телевизор и крутил свои лопоухие уши. Он был раздражительным и вспыльчивым. Говорить с ним было тяжело. Мой отец сильно выпал из жизни после развала Советского Союза. Я помню, как он доказывал мне, что вторая по величине страна в мире это Казахстан, а не Канада. А как он удивлялся, когда я рассказал, что самая развитая страна в мире это США, а не Россия.

Единственное, что мне действительно нравилось слушать это его армейские истории. Он служил два года в Советской армии. Рассказывал, как оказался в Афганистане в последние дни войны, как бунтовал, когда их заставляли что-то делать в части, как дрался, и как плакал, прощаясь с сослуживцами перед дембелем. Эти истории трогали меня и заставляли гордиться им. Жаль, он рассказывал их редко.

Ещё он умел играть на гитаре. В молодости сочинял песни. Иногда он грустил о том, что не может найти свою сестру и пел об этом. Думаю, в детстве он тоже чувствовал одиночество. Жаль, что он так и не встретит сестру никогда.

VI

В четвёртом классе произошло два события, которые были связаны между собой. Во-первых, к нам перевели нового мальчика по имени Вова. А во-вторых я впервые сильно влюбился в девочку. Если раньше я испытывал симпатию, то в этот раз влюбился по-настоящему.

Влюбился я в свою одноклассницу. Тогда она казалась мне совершенством во плоти. У неё были густые волосы с отблеском тёмного янтаря, светлая кожа с лёгким румянцем, естественные губы с тонкой линией полуулыбки. Подбородок у неё был волевой, но это не лишало её женственности. А из-за татарских корней её внешность казалась особенно необычной. Её звали Ляйсан. Она была хороша во всём. Отличница, спортивная, не материлась, добрая ко всем. Популярная как среди девочек, так и среди мальчиков. Я точно знал как минимум двух мальчиков, кому она тоже нравилась.

В четвёртом классе нас посадили вместе. Моей радости не было предела. Мне казалось, это сблизит нас и даст мне шанс. И действительно сблизило, но не так, как я мечтал.

Таким, как я, физически слабым и неуверенным в себе, оставалось только одно: уметь шутить, чтобы удерживаться на плаву в школьной иерархии. Это был мой конёк. Столько приколов и смешных моментов, сколько я выдавал каждый день, не мог никто. Я отточил этот навык до автоматизма. Иногда мне даже удавалось рассмешить учителей. Юмор был моим единственным козырем в любовных баталиях.

С тех пор, как мы стали сидеть вместе, я всеми силами старался её рассмешить. И это у меня получалось. Мы часто шутили на уроках. Учителя даже стали замечать, что Ляйсан нарушает тишину, разговаривая со мной. Мне казалось, что я в её идеальный образ привнёс что-то живое и хаотичное. Она помогала мне с контрольными и трудными задачами по математике, а я взамен развлекал её как мог.

Но, несмотря на дружескую близость, я совершенно не понимал, что делать со своими романтическими чувствами. Я не мог о их сказать или выразить. О признании не могло быть и речи. Я был уверен, что она скажет «нет», и об этом узнают все. Мне казалось, что тогда надо мной будут смеяться. А я стану предметом издёвок и издевательств.

Когда я сидел рядом с ней, я чувствовал аромат её духов и шампуня, и представлял, как мы гуляем вместе, держимся за руки, обнимаемся. Тогда я ещё не знал о сексе и эротике, поэтому мои фантазии были самыми невинными.

Это непонимание себя съедало меня изнутри. Чувства копились, но я не знал, куда их деть. Из-за воспитания матери я боготворил женщин. Уже в юности я прочитал у одного психолога, что такое бывает, когда ребёнок проецирует образ матери на других женщин, и из-за этого даже прикосновения кажутся запретными. Поэтому держаться за руки или поцеловать девочку мне казалось чем-то вульгарным. Потому что, ну как я мог представить такое с мамой? Но тогда я, конечно, так не рассуждал. Это был первобытный страх, страх быть отвергнутым и изгнанным из стаи за неподобающее поведение.

Самое ужасное было, когда в наш класс пришёл Вова. Он был полной моей противоположностью. Он был двойником, который превосходил меня во всём. Высокий, сильный, с тогдашней модной причёской маллет. Вова тусовался с хулиганами из школы и со двора. Учился посредственно, но его все обожали. Парни хотели с ним дружить, а девочки быть рядом. Он излучал энергию «рубахи-парня». Простой, открытый, душевный. При всей своей компании гопников, он ни разу не был замечен в буллинге кого-либо. Наоборот, он был добрый, отзывчивый, защищал слабых. Даже Миша, наш местный клоун и задира, моментально признал в нём авторитет.

Признаюсь, я тоже был очарован Вовой. У него было всё, чего так не хватало мне: сила, харизма, уверенность. И самое главное любовь моей Ляйсан.

Да. Ляйсан. Моя Ляйсан. Отличница, мечта любого мальчика нашего класса. Слухи, что они гуляли, вскоре подтвердились. Красавчик-хулиган и идеальная девочка отличница, что может быть банальнее и приторнее? И всё же это происходило. А мне было больно. Очень больно. Я надеялся, что Ляйсан будет моей. Какой же я был дурак. На что рассчитывал? Что она сама подойдёт и признается мне? Что бросит взгляд на лопоухого, забитого мальчика, потому что он умеет шутить?

Моя ревность переросла в злость. Я начал презирать Вову за то, что он идеален. И Ляйсан за её «примитивный» выбор. Конечно, я ничего не говорил им в лицо, просто стал холоднее к ним. А что бы я сказал? «Я ненавижу тебя, Вова, потому что ты всё, чем я никогда не буду». Или: «Я злюсь на тебя, Ляйсан, потому что ты выбрала не меня, и это подтверждает, что я жалкое ничтожество».

В какой-то момент, не выдержав, я нарисовал в подъезде маркером: «Вова + Ляйсан = придурки». Гениально. В своём же доме. Первой надпись увидела моя мама. Я наврал, что это не я. Тогда мне казалось, она поверила. Сейчас я понимаю, как это было глупо. Конечно, она всё поняла. Просто сделала вид, что её глупый сын способен её обмануть. Пожалела своего мальчика, убитого горем, и решила не доламывать окончательно.

Чтобы справиться с болью, я начал выискивать в Ляйсан недостатки. Я словно пытался убедить себя, что она мне и не нравится вовсе. Доказывал себе, что мы несовместимы. На время это помогало.

VII

В пятом классе у меня появился интернет. Я просил родителей об этом почти год. В классе я был одним из последних, кто подключился к всемирной паутине. Сначала это был лимитный интернет. Ни о каких загрузках фильмов или игр и речи не шло: скорость в конце месяца падала до черепашьяй. Единственное спасение было бесплатный сервис от провайдера, где можно было смотреть сериалы и мультфильмы без ограничения. Тогда я залпом проглотил все серии Наруто, что тогда выходили. Я был безумно счастлив погрузиться в фэнтезийный мир аниме.

Интернет быстро пробудил во мне одну из самых устойчивых зависимостей это эскапизм. Я с детства любил фантазировать, а тут миллионы выдуманных миров. Я смотрел всё подряд: от старых сериалов до свежего аниме, лазал по форумам, залипал в социальных сетях, играл в браузерный игры. Гулять после школы стал намного реже. Всё свободное время я сидел в интернете.

Со временем это начало отражаться на моем здоровье. Я и так был худым мальчиком, но после появления интернета у меня началось расстройство пищевого поведения. Я ел реже, потому что экран ноутбука отлично подавлял аппетит. Пропускал обеды, мог питаться один-два раза в день. Начали болеть глаза, спина, появилась сутулость и синдром «гусиной шеи». Спасибо кухонному табурету и отсутствию нормального рабочего стола.

Но самое страшное началось с онлайн-играми. Тем летом я почти не выходил из дома. Мы с одноклассниками просыпались, созванивались и сидели в голосовом чате до ночи. Пере-рывы были только на еду и туалет. Мама с папой были на работе, так что никто мне не мешал. Тогда я был невероятно счастлив. И, что бы ни говорили про вред игр, эти дни до сих пор вызывают у меня теплоту в душе. Хотя я понимаю: тысячи часов за компьютером, минимум живого общения и постоянные вспышки агрессии в играх это, скорее всего, звучит как музыка для ушей комиссии из психоневрологического диспансера.

Наступила осень. Я нашёл способ сублимировать свою фрустрацию от нехватки женского внимания это романтические аниме. До этого, кроме Наруто, я японскую анимацию особо не смотрел, но случайно наткнулся на одно романтическое произведение, и с ума сошёл. Я влюбился. В героев, сюжет, атмосферу. Пересмотрел его раз пять подряд. Я грезил главной героиней, мечтал встретить её в реальной жизни. Ночами, перед сном, представлял, что я в их мире. Что я на месте главного героя. Прокручивал сцены, фантазировал, как бы я поступил. Это стало моей новой реальностью.

На фоне нездоровой атмосферы дома и полного нуля в общении с девочками мне казалось, что вот оно идеальное представление любви, как всё должно быть. Со временем, я, конечно понял, насколько это всё криво и не имеет отношение к миру реальному, но остановиться не мог. Я перепробовал все романтические произведения, а затем перешел на другие жанры. Даже подсадил друзей на это. А чем ещё заниматься аутсайдерам? Только бежать в прекрасный мир фантазий

К пятому классу у нас уже произошло чёткое деление на группы. Я себя причислял к аутсайдерам: хорошая учёба, интернет-культура, аниме, онлайн-игры. Нас, аутсайдеров, никто особо не трогал, но нам нравилось думать, что мы «другие». Тогда во мне начало укореняться чувство несправедливости мира по отношению ко мне. Со временем оно трансформировалось в презрение к миру. Прежде всего к популярным одноклассникам. Мальчикам, девочкам, всем кому «повезло». Я считал, что имею на это право. Что это не защитный механизм, а честный взгляд на реальность. Сейчас же понимаю, насколько это было удобно для моего эго.

С годами мой внутренний зверь по имени Презрение рос быстрее меня самого. К десятому классу он достиг пика. После пика презрения к миру, я начал чувствовал только одно

— апатию. Ни злости, ни радости, ни даже боли. Хотелось исчезнуть: обособиться от семьи, друзей, города, вселенной. Я мечтал смотреть на мир чужими глазами. Глазами наблюдателя. Очутиться в вакууме пространства и времени. Чтобы все замерло навеки.

Я ощущал сильное одиночество и телом, и душой. Люди, которые тянулись ко мне, вызывали отвращение. А те, к кому тянулся я, не замечали меня. Иногда я мечтал заговорить со случайным незнакомцем на улице, а иногда, сидя в автобусе, чувствовал презрение ко всем вокруг и хотел их смерти. Ко всем этим говорящим оболочкам, которых я не считал живыми людьми. Мне хотелось чувственной связи, Но не с кем попало, с кем-то как я.

Так появился Марк — мой вымышленный друг. В этом имени было что-то европейское, элегантное, но при этом оно не резало слух человеку из постсоветского пространства. Начитанный, остроумный, родом из здоровой, состоятельной семьи. В моих фантазиях мы обсуждали литературу, спорили об искусстве, иронизировали над абсурдом жизни. Марк был всем, кем я хотел быть. Он не просто понимал меня, он был моей недоступной версией. Он поддерживал меня в трудные минуты, и мне казалось, что он был намного живее тех, кто меня окружал, людей, говорящих на мёртвом языке. Тогда, прочитав пару книг, я решил, что блестяще владею языком, и втайне начал презирать других за скудный словарный запас

Язык. Я думал, что именно это и отличает живого человека от неживого. Я считал, что язык это шкала жизни. Чем он богаче, интереснее, глубже, тем ты живее. Если всё, о чём ты способен говорить, это еда, погода и работа, то ты просто мёртвец с пульсом. Тогда мне казалось, что именно из-за этого такие люди так боятся одиночества, потому что не знают, что с ним делать. Когда вокруг становится тихо, в голову сразу лезет страх: смерти, будущего, прошлого. А ведь им просто нечем заполнить тишину. Они не умеют быть наедине с собой, не умеют думать, не умеют рефлексировать. Все их мысли сводятся к двум направлениям: «надо было тогда поступить иначе» и «как бы сейчас не облажаться, чтобы потом не жалеть».

Ирония в том, что сам я был точно таким же. Я тратил часы в интернете, читал книги, соглашался на случайные и часто бессмысленные встречи. Всё лишь для того, чтобы пережить ещё один день и не свихнуться от мыслей об одиночестве и смерти. Меня спасал шум. Этот вечный, бесконечный поток: видео на ютубе, музыка, сериалы, статьи, лекции. Да, это может немного развивать, но по большей части это просто фон. Шум, который помогает хоть ненадолго не сойти с ума под тяжестью бытия. Потому что если вычесть друзей, родителей, контент, книги и фильмы, то останется пустыня. Бескрайняя, без начала и без конца. И в этой пустыне есть только ты и ничего.

Хотя, может быть, мы и рождены в самом её центре, но это не значит, что мы не можем творить. Возможно, это и есть единственный путь, но жить в шуме проще, надёжнее и безопаснее, поэтому тогда я выбрал именно такой путь. Вот таким подростком я и был, упивавшимся жалостью к себе и прикрывающим хрупкое эго маской презрения к другим.

VIII

Через несколько часов после того, как я проснулся утром в субботу, к нам приехал отец с работы. Тогда он работал вахтовым методом. В тот период дома он появлялся всего несколько раз в полгода. После того как его сократили, он полгода не мог найти работу, он согласился на вахту. Ему было уже за сорок, да и высшего образования не было. И вот уже три или четыре года я видел его пару раз в год. Не могу сказать, что страдал от этого или ощущал нехватку его компании. Его заботы и внимания мне не хватало скорее в детстве. Я мечтал, что он научит меня плавать или кататься на велосипеде, но те редкие дни, когда он бывал дома, он просто сидел перед телевизором и пил кофе, поэтому сейчас мне наоборот хотелось видеть его реже. Вообще, мой отец кофеиновый наркоман. Пить алкоголь он бросил, когда мне было пять, по его словам: «во имя благородной цели сохранения семьи». Но, видимо, нельзя избавиться от одной зависимости, не подхватив другую.

До шестнадцати лет я относился к нему тепло, как и к матери, но потом всё изменилось. В тот самый период моего презрения ко всему миру, отец часто говорил, что любит меня, что я его надежда, что у меня «умная голова» и я рожден зарабатывать деньги умом. Он часто вспоминал, как зря в молодости не послушал свою мать и не пошёл в университет. Раньше я не придавал этим словам значения, но потом понял: он видел во мне способ восполнить то, что потерял сам. Все эти слова про любовь, заботу, надежду были обращены не ко мне, а к самому себе в молодости. Я был для него просто способом реализовать несбывшиеся мечты. Это понимание укоренилось во мне, и я возненавидел его. Мне казалось, что он жалкий человек.

Перед его приездом я слышал, как в соседней комнате мама снова жаловалась. Её раздражало, что отец опять просит денег, и что потратил пятьдесят тысяч на какое-то «молоко». Это был её эвфемизм для наркотиков. Она говорила, что отец как идиот сидит весь год на другом конце города, но зарабатывает так мало, что его отсутствие только в минус семье, а дома не хватает мужской руки. Как она говорила: «хотя бы гвоздь забить». Но в какой-то момент она устала злиться и была готова на всё, лишь бы он не приезжал домой. Гораздо проще отвезти ему вещи и деньги, чем терпеть его скандалы. Сестра тоже относилась к нему холодно, потому что из-за него мама плакала, и ей приходилось много работать, чтобы нас прокормить.

Несмотря на всё это, при встрече мама всегда вела себя заботливо. Бегала вокруг него, лебезила. Ещё утром я слышал, как она ворчала, что придётся отдать ему половину еды, а как только он приехал, наоборот, настаивала, чтобы он взял побольше. Меня всегда тошнило от этого лицемерия. Я понимал, что мама просто сглаживает углы, чтобы поскорее всё закончилось, но мне всё равно было противно.

— Привет, пап, — сказал я, умеренно дружелюбно.

— Привет, сына, как я соскучился по тебе! — его морщинистое лицо поднялось вверх в улыбке.

К счастью, это и была норма нашего общения: тёплые приветы и тактичные прощания, без лишних разговоров. Я ушёл в свою комнату. Отец, как всегда, рассказывал маме свои байки с работы: как кто-то опять напился и не вышел на смену или как кто-то сломал грузовик. Но в этот раз его истории быстро закончились, и они с мамой пришли поговорить со мной.

Отец сел на стул возле кровати, где обычно сидел я, и начал: — А что там, мать говорит, тебя переводят в другой вуз?

— Да, пришёл приказ из министерства. Я последние полгода буду в другом вузе учиться.

— А ты мне скажи, Руся, ты вот четвёртый год учишься, а как твоя профессия называется, кем работать будешь?

— Я на специальности «Профессиональное обучение».

— И что, кем работать собираешься?

— Преподавателем в университете или колледже.

— Так это ж не пыльная работа, хорошая профессия. Сейчас такие востребованы. Преподаватели всегда хорошо получали.

К сожалению, он не имел понятия о современном образовании. Для него педагог это престижная профессия ведь в СССР так было. Но времена изменились, и теперь преподаватели это каторжники бюрократии на низкой ставке.

Мама не удержалась и тоже вставила:

— Да сейчас все хотят в вузы преподавать. Это тебе не школа, где обязан детей учить, в вуз приходят те, кто сам хочет знаний.

— Да подожди ты, дай поговорить, — укоризненно сказал отец, глядя на неё.

Вот и вся его «заинтересованность» в моей жизни. Четвёртый год учусь, а он даже не знает на кого. Но при этом постоянно клянётся в любви. Любовь эта липовая. Он любит во мне свою кровь, а не меня как человека, — подумал я.

— А где работать планируешь?

— В Алма-Ату хочу поехать.

— В Алма-Ату? Понятно... Ну, если что, мы с матерью поможем. В Алма-Ату это правильно. А почему не в Астану? Столица же.

— Алма-Ата больше и перспективнее.

— Ну, это да... В моё время, кстати, Алма-Ата была столицей. После этого короткого разговора, он вышел на балкон выкурить сигарету, попивая кофе. Затем взял пакеты с едой и одеждой, которые приготовила мама, и уехал обратно.

Когда папа уехал обратно на работу, мы с мамой и сестрой пошли в супермаркет за продуктами к Новому году. Один и тот же бессмысленный ритуал каждый год: ходить тридцатого декабря в магазин за едой, и не просто за парой пакетов, а набирать столько, что физически тяжело тащить домой. Машины у нас никогда не было, поэтому этот путь Одиссея занимал колоссальное количество времени.

Я ждал маму на кассе и смотрел, как она выкладывает продукты из тележки, но продукты в ней всё не заканчивались. В итоге пакетов набралось столько, что место на кассе, где упаковывают покупки, быстро закончилось. Я взял шесть пакетов, по три на каждую руку. Включил музыку в телефоне, чтобы пережить эту тяжесть, но уже на треть пути почувствовал, как ноют плечи и перехватывает дыхание. Пакеты били по ногам, создавая постоянный дискомфорт, а пальцы под давлением ручек немели. Пакеты медленно скользили по фалангам пальцев. Я шёл, стараясь сфокусироваться на музыке, но это помогало только первую половину пути.

Оглядываясь по сторонам, я видел людей, но ни один не нёс больше одной сумки. И в этот момент, ощущая боль в пальцах, коленях, спине и плечах, я почувствовал сильное презрение ко всем вокруг и особенно к матери.

В этом и есть моя семья — жить в нищете и голоде весь год, чтобы на день почувствовать себя человеком. Один день, но с таким размахом, с таким чувством безмятежности и свободы, чтобы остальные люди обзавидовались. Ощущать себя птицей в небе, но вести себя как свинья в хлеву.

Моя семья последние десять лет в постоянных кредитах и долгах. Вечно чередуются сытые периоды, когда дома есть еда и не отключают свет, и голодные, когда приходится есть одну крупу или жарить сахар, но на Новый год мама всегда накрывает большой стол. В этот раз она потратила пятьдесят тысяч только на еду. Для меня это полный абсурд. Спустить пятьдесят тысяч на еду, которой хватит на три дня, чтобы потом месяц голодать. В этом вся моя семья.

Когда я наконец зашёл за порог и с животным наслаждением скинул пакеты на пол, по телу разлилось облегчение, смазанное потом. Я снял перчатки и увидел свои красные пальцы. Я не мог сжать их в кулак. Они дрожали, как у человека с Паркинсоном.

Прошло пару часов. Я сидел на диване. Мама снова жаловалась сестре на отца. Вообще, все её жалобы можно свести к одному предложению: отец просит о какой-то бессмысленной вещи, мама за его спиной негодует, но в итоге выполняет всё беспрекословно.

Под вечер я услышал, как мама разговаривала с сестрой:

— Ну да, мне ничего не сказал, что в Алма-Ату едет, а отцу всё растрепал. Мать ни во что не ставит, а отец ему авторитет. Только вот когда вам всем плохо, почему-то ко мне бежите, а не к отцу.

У мамы был явный синдром жертвы. Всё своё существование она строит так, чтобы чувствовать себя угнетённой. Она навязчиво старается всем «помочь». Будет терпеть боль, болезни, усталость, сильный стресс, лишь бы не брать ответственность за своё счастье. Все её «помощи» она копит как стрелы в колчане, чтобы, если начнёшь спорить, отстреливаться ими:

— Хватит следить за каждым моим шагом, — говорю я.

— Но помнишь, я тебе помогла тогда, — отвечает она, совсем не понимая бессмысленности этого аргумента.

— Да, но это не значит, что нужно следить за каждым моим шагом.

— Получается, мать плохая! Я стараюсь помочь, а вы вот так, — уже срывается на крик.

И не важно, просишь ты её о помощи или нет — она всё равно навяжет своё, а если попросишь не вмешиваться, то начнёт читать нотации о том, что «хотела как лучше». Поэтому они с отцом идеальная пара: авторитарный деспот с кругозором уже, чем ушко иголки, и мученица, отчаянно ищущая повод почувствовать себя жертвой.

У мамы был ещё синдром «да, но». Сколько раз я слышал:

— Тебе не нравится поведение папы?

— Да.

— Может, поговоришь с ним?

— Да, но он не слушает меня.

— Может, нам вместе поговорить?

— Да, но я не хочу тебя впутывать.

— Может, обратиться к психологу?

— Да, но...

Я много раз пытался вывести её из этой петли, но каждый раз упирался в «да, но». Таким парадоксом страдают многие женщины. У них есть проблема, но вместо того чтобы решить её, они перекладывают ответственность. Так проще жить, когда всё плохо, но не по твоей вине. Виноват муж, родители, друзья, общество, вселенная, кто угодно, только не ты.

Как-то я попытался её переубедить. Она снова ушла в своё «да, но», и я сказал:

— Так зачем ты ноешь тогда? Если проблему не решить, зачем постоянно ныть? Не лучше ли просто принять это?

Она не поняла моей логики и начала рыдать, обвиняя меня во всех смертных грехах. Она рыдала навзрыд, как сумасшедшая. Тогда я окончательно убедился, что моя мать это Катерина Ивановна Мармеладова из «Преступления и наказания». Как Катерина Ивановна, она могла в один миг превратиться в трагическую героиню: хвататься за сердце, заламывать руки, говорить громко и мученически, будто вокруг сцена, а она единственная актриса. Любая мелочь превращалась в повод для великой драмы и самопожертвования. Ей не нужна правда или решение. Она психологически сломленный человек, и изменить её уже невозможно. Ею движет только одно это стремление к трагедии. А единственное, что соразмерно её гордости это чувство жертвенности.

IX

Это был уже второй Новый год, когда бабушка жила с нами. До этого шестнадцать лет она жила у моей тёти Тани. Её обычный досуг из-за здоровья был скудным. Ноги почти не держали, а на улицу она выходила редко. Поэтому там, в квартире тёти, она нашла себе собутыльника в лице маминой сестры. Как выяснилось позже, Таня часто издевалась над бабушкой и даже поднимала на неё руку. Это если верить словам самой бабушки, как всё именно было, никто не узнает. В итоге Таня выгнала её из дома после очередной ссоры, и теперь бабушка жила с нами.

Я не сочувствовал бабушке. В этом было что-то ироничное, что Таня обошлась с ней так же, как бабушка когда-то с моей мамой. Хотя я и не люблю свою тётю, но в её поступках хотя бы есть логика. Бабушка и дедушка наградили Таню вседозволенностью и поплатились за это. Лучше быть честным мерзавцем, как моя тётя, чем лицемерно делать добро как моя мама. Лучше быть плохим до конца, чем хорошим местами.

Новый год мы провели без происшествий. Сели вчетвером за стол. Я сидел напротив мамы, справа была бабушка, слева сестра. Папа был на вахте. Стол выглядел празднично: оливье, крабовый салат, бутерброды, сыр, колбаса, курица, в центре и манты. Такая мешанина из блюд была у нас каждый год. Ужин меня устроил, кроме одной детали — бабушки, сидевшей справа.

Я редко смотрел на неё в последний год, но, казалось, она стала ещё уродливее, чем я помнил. Сухая, натянутая на кости кожа делала её похожей не на человека, а на чучело, набитое ватой. Её острые, злые глаза бегали от одного блюда к другому, а длинная тонкая шея вытягивалась, как у индюка. Глядя на её жирные блестящие волосы, собранные в крысиную косичку, я ощущал тошноту. Бабушка сидела в красном халате и мягких тапочках, в руках теребила носовой платок. Ощущение было, будто я сижу рядом с пациентом психдиспансера, а не на семейном ужине. Я давно понял, что старые люди вызывают у меня физиологическое отвращение. Я видел их в университете, на работе, на улице, и каждый раз думал: неужели они сами не замечают, насколько неприятно выглядят. Нет, я не лукист. Старость сама по себе меня не отталкивает, но я не могу скрыть отвращения к телесным проявлениям увядания. Сам я боюсь старости, боюсь морщин и мешков под глазами. Для меня морщины это слёзы организма по утраченной молодости.

Иногда, глядя в зеркало, я замечаю новые прыщи. Это неприятно, но хотя бы говорит о том, что организм ещё молод и способен их производить. Думаю, у женщин есть нечто похожее с месячными. Месячные тяжело переносятся, но их отсутствие пугает куда сильнее. Смотря на людей преклонного возраста, я всё больше убеждаюсь: культура и история не способны скрыть того факта, что на фундаментальном уровне мы всего лишь куски гниющего мяса. Молодость, здоровье, сила, воля. Всё это со временем превращается в ничто.

Мама наполнила бокалы и начала разговор с бабушкой:

— Такая погода сегодня, не как вчера, — вздыхая произнесла мама

— Ой, да не говори, я уже такая старая... кто-то заметил, как я постарела? — ответила бабушка.

— Стол у нас хороший, не хуже других!

— Не хуже! Это вот другие зажрались. Вон, по телевизору смотрели — судятся за огромные квартиры, машины... с жиру бесятся.

— Я так устала, три недели без выходных.

— А ты сиди в четырёх стенах, ноги ещё болят, кашель замучил.

— Что вы не едите? Я наготовила тут всего, а вы не едите. Руся, бери курочку.

— А где тут оливье? А то я уже ничего не вижу.

Сестра в это время подкармливала кошку, которая кружила вокруг стола, сводимая запахами с ума. Я ел, стараясь не смотреть направо. Радио возле меня барахлило, создавая дополнительный шум. Я ненавижу эти семейные формальности. Праздники нужны, чтобы семьи проводили время вместе, но я не горел желанием сидеть с мамой, сестрой, а тем более с бабушкой. Всё, чего я хотел это забыть прошедший день и начать новый

Х

Мы поели, встретили Новый год, и я лёг спать. Весь следующий день я просидел за компьютером. Когда на часах было около десяти, я услышал протяжный стон с кухни. Это стонала мама. У неё уже давно были сильные проблемы со спиной из-за работы на морозе и ношения тяжестей, поэтому иногда у неё случались резкие боли в пояснице.

Я зашёл на кухню. Она сидела на стуле в халате, лицом ко мне, держась одной рукой за спинку стула, другой за поясницу. На кухне было темно, я видел только её силуэт в слабом свете из коридора. Она тяжело дышала. Такие приступы у неё случаются последние три года.

— Тебе скорую вызвать? — спросил я.

— Нет, не надо. Спина схватила. Думала, ещё одна ампула есть дома, но, оказалось, что нет. Сейчас дочка придёт из аптеки.

В такие моменты я понимал, насколько её организм истощён. За долгие годы тяжелого труда, постоянного стресса и холода ее здоровье пошатнулось, и это я еще не говорю о психических травмах. За четыре года до моего рождения у мамы родился сын Алеша, который умер еще во младенчестве, поэтому с того трагического дня она начала курить. Когда я был маленьким, мы каждый год ездили на его могилу. Приносили цветы, убирались там, клали конфеты и печенье. Я никогда не видел его, но каждый раз чувствовал боль, стоя у его могилы. Потом мы внезапно перестали туда ездить. Сейчас я даже не помню, когда были там в последний раз. Иногда хочу сходить, но боюсь спросить маму, где он похоронен. Не представляю, каково это носить в себе жизнь девять месяцев, увидеть её, даже прикоснуться и потерять навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.